Междисциплинарные исследования культурного трансфера: философия, лингвистика, медицина

Рецензенты:

Лисеев И. К., доктор философских наук; Моисеев В. И., доктор философских наук.

Междисциплинарные исследования культурного трансфера: философия, лингвистика, медицина: сборник научных статей / отв. ред. Л. П. Киященко, Ф. Г. Майленова / Российская академия наук. Институт философии. — Москва: Издательство Московского гуманитарного университета — 2020. — 220 с. — Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-907194-94-6

Содержание коллективной монографии объединено темой меж- и трансдисциплинарного исследования культурного трансфера, которая послужила основанием для рассмотрения взаимодействия между философией, философией науки, лингвистикой, медициной и другими социогуманитарными науками, что в общем и в целом репрезентативно представляет современные взаимоотношения между наукой и обществом. В зависимости от реальной коммуникативной практики термин трансфер, как это показано в книге, обладает способностью раскрывать особенные концептуальные возможности. Подвижная семантическая структура концепта трансфер, за счет способности языка выступать в роли переключателя между различными дискурсивными режимами, делает возможным перенос или, в ином истолковании, перевод знаний, умений и практических действий во взаимодействии (взаимопонимании) различных социальных акторов, способствуя узнаванию друг друга и критическому, совместному осмыслению сложных или, точнее, сложностных (В. И. Аршинов) человеческих ситуаций. Основное внимание авторов уделено истории возникновения термина «трансфер» и его современному парадигмальному звучанию как концептуальной категории в контексте исследования проблем языкознания, лингвистики, филологии, философии науки, теории познания, биоэтики, психологии и медицины. Показано разнообразие функциональных возможностей, заложенных в концепте «трансфер»: быть стартовой позицией междисциплинарного общения, средством, способом и, наконец, результирующим итогом этого процесса.

Предлагаемая вниманию читателя коллективная монография будет способствовать углубленному меж- и трансдисциплинарному пониманию современных тенденций развития теоретических концепций в философии науки, языкознании, лингвокультурологии, психологии, биоэтике, философских проблемах медицинского знания в соответствующих практических воплощениях.

Утверждено к печати Ученым советом Института философии РАН

Трансфер знаний и переносное значение1

Валерий Демьянков

Понятие «трансфер знания» лежит в основе человеческих факторов эпистемологического исследования. В статье это понятие рассматривается как разновидность понятия «переносное значение языкового знака», используемое в лингвистике. Научное исследование состоит не только в сложном переплетении предположений и опровержений, в процедурах проб и ошибок в рамках ментальных и материальных экспериментов, но и в коммуникации людей, в межличностных отношениях, лежащих в основе научных исследований, среди прочего играющих роль в развитии новых научных парадигм и исследовательских программ. В этих отношениях, как и в получаемых в результате дискурсах, важную роль играет трансфер идей. А именно, процессы композиционной семантики дают буквальные значения языковых выражений, т. е. основаны на значении частей выражения плюс значение самой конструкции. Но следующий шаг состоит в вычислении переносных значений слов, словосочетаний и предложений, что происходит в результате прагматической интерпретации, т. е. трансфера, или перехода от буквального значения к небуквальному. Такие прагматические процессы являются прототипами междисциплинарного и трансдисциплинарного трансферов знаний, изучаемых в истории естественных, гуманитарных и социальных наук под углом зрения эпистемологии и когнитологии. Подобные параллели позволяют моделировать изменения парадигм, «научные революции» и «научные повороты», представляя их как взаимодействие семантических и прагматических процедур во взаимодействии людей (в том числе и между собой) и Природы. Помимо «предметных» опорных пунктов и результатов, такие «языковые

¹ Исследование в разделах 1 и 3 выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040 «Параметризация лингвокреативности в дискурсе и языке») в Институте языкознания РАН. Раздел 2 данного исследования выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429 «Языковые механизмы аккомодации культурных систем в различных видах дискурса XX и XXI вв.») в Институте языкознания РАН.

игры» витгенштейновского типа основаны на коммуникативных актах и даже на интригах и межличностных симпатиях и антипатиях, которые присущи человеческой деятельности в целом.

Ключевые слова: языковая система vs использование языка, эпистемология, междисциплинарный трансфер знаний, композиционная семантика, лингвистическая прагматика, прямое vs переносное значение, риторика научного дискурса, научная революция, научный поворот

On Knowledge Transfer and Figurative Sense

Valery Demyankov

The notion of 'knowledge transfer' roots in human aspects of epistemological research. It is a generalization of the notion of 'indirect sense'. Scientific and scholarly investigations consist not only in sophisticated conjectures and refutations, trial and error procedures of mental and material experiments, but also in face-to-face communication, interpersonal intellectual relations forming necessary base of any research, i. a., preconditioning development of scientific paradigms and research programs. In these relations as well as in resulting discourses, transfer of ideas plays an important part. Compositional-semantic processes yield literal meanings of linguistic expressions basing on the meanings of parts plus the meaning of the construction as a whole. But the next step consists in computing figurative senses of words, phrases and sentences which arise as a result of pragmatic interpretation i. e., meaning transfer from directness to indirectness. Such pragmatic processes are prototypes of interdisciplinary and of transdisciplinary knowledge transfer observed in the history of arts and sciences and in recent epistemological and cognitive studies. This and similar parallels make it possible to model paradigmatic changes, scientific revolutions, and scientific turns as an interaction of semantic and pragmatic moves in communication between Nature and Humans. Besides purely objective results, such Wittgensteinian-type 'language games' presuppose communicative

moves and even intrigues and other personal attitudes characteristic of human activity in general.

Keywords: language system vs. language use, epistemology, interdisciplinary knowledge transfer, compositional semantics, linguistic pragmatics, direct vs. figurative meaning, scholarly-discourse rhetoric, scientific revolution, scientific turn

Трансфер в риторике научного дискурса

Развитие наук состоит не только в выдвижении новых объектов изучения и в новых подходах к ним, но и в «презентации» — «защите» и «продвижении» — достижений. Неоднозначности, переносные значения и коммуникативные шаги в интеллектуальном климате научной дисциплины и ее соседей — важный материал для риторики научного дискурса. Лингвист, включаясь в науковедческое исследование, видит не только «строевые» элементы языка научной дисциплины — языка как системы, вслед за Ф. де Соссюром называемой langue, — но и закономерности и аберрации в употреблении языка соссюровского langage. Русское слово «язык» употребляется в обоих значениях, а во французском имеем два разных, хоть и похожих слова. Под языковыми техниками поэтому понимаются не только средства языка как системы знаков — из которой, как с мольберта, берутся краски для научных полотен, — но и техники наложения этих красок, техники "langage". Символическое значение имеет даже сам факт употребления слов конкретного языка в данных обстоятельствах. Скажем, нечаянный переход на французский язык, неожиданно ставший вражеским, в московских салонах на волне патриотизма в 1812 г. порицался (что хорошо описано в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого). А появление «родных» терминов, вытесняющих иностранные заимствования, традиционно расценивается как рост отечественной науки.

В термине «трансфер» переплетены оба понятия языка. Выражения, обладающие лексическим значением, бывают элементарными (морфемы) и конструируемыми (производные слова, словосочетания,

предложения, целые тексты). Трансфер начинается с того, что буквальный, или «композиционный», смысл целого выражения, прямо выводимый из значения конструкции плюс значения составных частей, получает «приращение», напоминающее добавочную стоимость в экономике. В итоге соединение корневых морфем ног- и рук- (как в словах «нога» и «рука») с суффиксом -к- дает сложные единицы «ручка» и «ножка», обозначающие маленькую руку и ногу. Такое значение получается в соответствии с правилами «композиционной семантики»: значение корня плюс значение суффикса. Эта же композиция по другим, менее массовидным законам, обозначает «инструмент для письма» и «часть стула или стола». В рамках конструкции могут изменяться составные элементы звукового облика: в наших примерах чередуется последний согласный корня. А целое получает смысловую модификацию — «небуквальное значение», или «переносный смысл», например метафорический, — когда из-за внешнего сходства о письменной принадлежности говорят как о маленькой руке, а об опоре стола — как о маленькой ноге.

Некомпозиционные смысловые переходы называют прагматическими, поскольку они связаны не столько со свойствами знаков самих по себе, «в вакууме», сколько с закономерностями и случайностями употребления людьми. Так почему бы инструмент для письма не назвать ножкой? Шариковая ножка — тоже красиво. А стул на кривых ручках вызывал бы слезы умиления при мысли о трогательной гимнастке-неумехе.

Тайны прагматического привеса окружают и словосочетание. Например, «анютины глазки» — название определенного цветка, базирующееся на композиционном смысле «органы зрения милого существа по имени Анюта» (ср. анютины глаза с той же семантикой) плюс прагматическое приращение, отсутствующее в толковании русских слов Анюта, глаза и суффикса -к-. Да и предложение, бывает, обрастает небуквальностью, прямо не выводимой из смысла составных частей, например: бабушка надвое сказала. Так что читатель, глядящий в книгу и видящий в ней совсем иное, уже стоит на прагматическом краю трансфера.

Когнитивные лингвисты полагают, что если проследить трансферную историю любого языкового выражения до самых его смысловых истоков (исторической реальностью которых занимается этимология, а психологической — психолингвистика), то самым исходным буквальным истолкованием окажется пространственный образ без каких-либо абстракций. Запахи, осязательность, этические качества и — о боги! — даже время трактуются как зрительно оцениваемая конструкция, задающая пространственный мир вещей. Эта гипотеза получила название локализма. Она объясняет, почему о знаниях метафорически говорят как о складе (не всегда нужных) предметов: просто потому, что человек все, а не только знания, видит как предмет в пространстве.

Помимо переноса в границах одного языка бывает, что понятие вместе со звуковым образом приходит из одного языка в другой, ср.: фейк, шопинг, фрик и т. п. в сегодняшнем русском языке. Но довольно часто «сырье» форм местного производства получает «приращение» из другого языка. Как в жизни: вода московская, а пиво «Хейнекен» из нее — «голландское». Так, само слово «трансфер» — «перенос» составлено из латинских комплектующих под влиянием греческого в результате поморфемного перевода, это «калька» греческого «метафора», ср.: транс = мета, фер = фор. А русское слово «перенос» — греко-латинское слово русского разлива, калька латинского и/или прямиком греческого. Ставя ударение на последнем слоге слова «трансфер», делают подсознательный реверанс французской культуре, а с ударением на первом слоге посылают воздушный поцелуй англо-саксонским братьям и сестрам по трансферу.

Итак, значения слов «трансфер» и «перенос» — результаты самого что ни на есть трансфера.

Словосочетание «трансфер знаний» означает передачу не столько «из рук в руки» эмпирических и теоретических сведений (хотя — метафорически — и не без того), но и — в еще более переносном смысле — навыков, установок, предпочтений в выборе теоретических подходов и в решении научных проблем (о широкой палитре пониманий термина трансфер см. [Фещенко, Бочавер, 2016]). Происходит такой

трансфер на интеллектуальном пятачке в своеобразной «зоне обмена», которая представляет собой «не только решение проблем междисциплинарного общения, не только ответ на социальную потребность выстраивания крупных социотехнических проектов — в той же мере она является плодом эволюции индивидуальной культурной лаборатории, способности творческой личности заставить реальность говорить ее голосом, воплотить в себе ее идеи, оформиться по ее воле» [Касавин, 2017, 15].

Исследование трансфера знаков и знаний как междисциплинарного взаимодействия «...представляет собой в сущности анализ нестандартных познавательных ситуаций в контексте коммуникации субъектов, производящих и потребляющих знания» [Касавин, 2010, 61]. Это значит, что помимо «семантики знаний» — их законных (с разрешения властей) и закономерных (соответствующих их нраву) «прогулок самих по себе» — бывают и «прагматические приключения» как результат и причина вкусов людей, знания создающих и/или ими пользующихся.

Трансфер знаний, подобно кровообращению, поддерживает «научный тонус» в сотрудничестве «популяций» ученых (межкультурный и межнациональный трансфер), «поколений» (межпоколенный трансфер) и научных дисциплин (междисциплинарный трансфер). Сходства и различия межгендерного и междисциплинарного подходов имеются в виду в приписываемом Вольтеру контрастивном сопоставлении того, когда женщины и дипломаты говорят да, может быть и нет. А межнациональный трансфер, подобно внешней торговле, глобализирует науки и культуры, расширяя и/или сужая ассортимент национальных рынков идей. К межвидовому и межпланетарному трансферам человечество морально уже подготовлено классиками фантастики и ждет с минуты на минуту...

Аналогом «эстафетной палочки» в этих случаях являются парадигмы и исследовательские программы. А именно, концепцию (то есть теорию или подход в самом их сыром, детально не проработанном виде), иногда авансом, возводят в рыцарское достоинство парадигмы как респектабельного направления, имея в виду челове-

ческое измерение в реализации схем проведения, протоколирования и интерпретации результатов исследования. В отличие от научной теории, парадигма, как учат история и употребление этого слова [Демьянков, 2016], — образец, которому следуют ученые, а не готовое решение всех задач. Востребованность — выбор и популярность такого образца — предопределяются не только объектом исследования, но и межличностными отношениями, например подражательностью, научной влюбчивостью и ревностью ученых. В результате смены парадигм интеллектуальные потрясения — «революции», «повороты» и «волны» — заставляют по-новому ставить очень старые вопросы, не всегда, впрочем, давая в приращении новые ответы. Однако несомненно, что «различные виды и формы общения познавательных субъектов существенно определяют содержание знания» [Касавин, 2010, 62].

Креативный научный трансфер

Междисциплинарный трансфер выглядит как экспорт или как импорт в зависимости от локализации рабочего места экспедитора. Так, для языковеда лингвистический анализ, используемый не в лингвистике, а в литературоведении или в философии, — экспорт. Взгляд на композиционную семантику знания в противопоставлении прагматике знания можно считать экспортом в эпистемологию. Для лингвиста же идеи, теоретические конструкции, образы и метафоры, полученные из математики, литературоведения, философии и т. п., — импорт.

От трансфера «узкий специалист» не становится многостаночником-профессионалом. Поэтому трансфер доставляет идеи одариваемой дисциплине в том «аккомодированном» виде, до которого та доросла в своих возможностях и потребностях. А дисциплина-дарительница, по известной французской поговорке (которую любил повторять Ю. С. Степанов), не может дать больше, чем у нее есть. Зато может вдохновить соседок на новые аналогии, взлеты и — ах!.. — падения.

Наддисциплинарная интеллектуальная революция, по определению, должна быть актуальной не только для узких специалистов, но и для их ученых соседей: это экспансия идей свежих, развивающихся, многообещающих, привлекательных, см. [Lanigan, 1988, 157]. Революция же за плексиглазом «на чужом огороде» — в лучшем случае переворот, упоминаемый в рубрике «их нравы в прошлом».

Интеллектуал по духовной природе своей — дитя, его привлекает все новое и яркое, ср. [Nagel, 1995, 26]. Защищая или отвергая теории, с разной степенью сноровки предъявляют факты и/или критикуют формулировки на фоне других данных, тем нейтрализуя идеи с подмоченной репутацией. А реабилитация не полюбившихся когда-то идей — повод для возвращения перелицованных новых-старых идей, под громкое или тихое научное покаяние. Как у нас во время «оттепели».

Экспансия идей бывает не только мягкой, но и открыто агрессивной, например, когда служители одних наук, обличающим тоном поучая другие науки и их служителей, рекламируют только свои стандартные исследовательские практики и публикаторскую политику, показывая, главным образом, кто в доме хозяин и какая наука «на свете всех милее». Скажем, обязательность орнаментального упоминания (lip service) классиков кормящей идеологии (типа анекдотического: «Партия учит, что газы при нагревании расширяются»), представления о границах пристойности, о легитимности только первой журнальной публикации новых положений и т. п. Или когда независимое открытие одной и той же истины двумя разными исследователями (закон сохранения материи, радио и т. п.) вызывает подозрение в прямом или опосредованном заимствовании, а приоритет патриотично отдают тому из своих соотечественников, кто раньше оставил публикационные следы.

Любительский максимализм все стрижет под одну нормативную гребенку: для Мальвины неряшливый Буратино, добывший-таки золотой ключик, — безнадежно тупиковый вариант эволюции человечества. В эпоху слабого финансирования спор этот — от честолюбия бессребреников: ведь ноль зарплатных надбавок, умноженный на миллион баллов за приоритетность, — все равно ноль. Но когда

наука встает с экономических колен, кряхтя публикационными индексами, налет умеренного бескорыстия слетает с самых высоких отношений, а устранение конкурентов для кукушонка приобретает не только спортивный интерес. Так подтверждается метафора «научная дисциплина — фабрика знания», «...где оно проходит проверку, упаковывается и направляется потребителю. Дисциплина есть также и, вероятно, прежде всего, условие финансирования науки из государственного бюджета и распределения финансовых ресурсов между научными направлениями, как скоро государственные структуры нуждаются в подобном им контрагенте — научной бюрократии. В этом смысле дисциплина — необходимая форма социального бытия науки как сферы профессионального производства, распределения и потребления знания в наше время» [Касавин, 2010, 64]. Добавим еще, что кроме фабрик и крупных колхозов, покупающих «в складчину» дорогостоящее оборудование, когда одного только таланта научных бурлаков мало, — в науке много еще мелких артелей (где каждый сам может сбывать на сторону свою продукцию) и самозанятых кустарей-одиночек типа К. Э. Циолковского. Изобретение новых подходов и их презентация взаимозависимы.

Изобретение новых подходов и их презентация взаимозависимы. Что нельзя выигрышно подать узкому кругу специалистов, не позиционируется как «прорыв» и ждет своего часа на скамейке запасных. А эффектная подача дает неброским идеям шансы на быстрый успех, если только сочетание интеллекта и эмоций впишется в бытующую культуру управления наукой.

Можно указать различные следы научной революции и поворота мысли в специальных и в научно-популярных текстах (подробнее см. [Демьянков, 2016]): реклама резкого роста возможностей объяснить (полу)известные явления; эстетические достоинства новых способов объяснения; понятность представителям одновременно двух разных эпох и/или поколений ученых; над-, меж-, трансдисциплинарность (последнее — когда представитель одной науки подвизается в качестве профессионала в другой, временно становящейся для него — научного космополита — «как бы родной», ср. основные принципы трансдисциплинарности в работе [Киященко, 2017, 61–62]);

соотношение «субъективности» и «объективности». Особенно эффектно обнажение «тихих странностей» в привычном и очевидном: этот прием Шерлока Холмса делает столь привлекательным научный «детектив».

Анализ научных публикаций демонстрирует возможности таких

параметров как коммуникативных техник «креативного трансфера». Так, гордые новыми аксиомами и рабочими гипотезами, теоретики приглашают и других отпраздновать прирост фактов, наконец-то «красиво» сервированных и объясненных. Гарантированный улов ожидает эмпирически неблагополучные области с высоким градусом «интеллектуальной озабоченности», усталости от привычных, ритуальных объяснений. Метафорический взгляд на научный прогресс как на увеличение объема фактов, методик обработки материалов и т. п. покоится на презумпции, что «чем больше, тем важнее» для вознаграждения трудозатрат. Но это почти то же, что предполагать, будто чем больше единиц и меньше нулей в двоичном представлении информации, тем больше знаний. Кроме того, невостребованные и просроченные единицы хранения на «складе» знаний, только создающие иллюзию изобилия, в употребление уже не годятся: не всегда стоит верить индексам цитируемости публикаций, в которых такая информация содержится. Хуже того, бывают и «неподтвержденные сведения». Так, в Интернете несколько миллионов ссылок в рубрике «Почему в Европе так мало красивых девушек?». Замотанный прохожий, которому социолог приставит этот «вопрос в ребро», в эпистемической панике начнет выдвигать одну версию фантастичнее другой. А бесшабашный диссидент резонно спросит: «Откуда вы взяли, что в Европе так мало красивых девушек? По моим наблюдениям, их там так много».

Напрашивается следующая аналогия. Молодому наследнику старого султана достается и его гарем, от которого отказываться не принято: можно только перепрофилировать отдельных сотрудниц и рекрутировать дополнительных. Люстраторское соотнесение нового со старым предполагает точки соответствия и/или дополнения между старой и новой теориями (ср. принцип соответствия Н. Бора), устанавливаемые на текстуальном, терминологическом, идейном или

ином уровне. Однако новые теории приносят и новые понимания (трансферы!) старых идей, вызывающие смешение и конфликт научных языков — старого и нового: всем памятен печальный финал пушкинского «Бахчисарайского фонтана». Благодатной областью обновления является разграничение понятий, устранение нечеткостей и противоречий, скрывающихся в привычных доводах. И подвижки здесь не беспроблемны: убрав всего лишь одну перегородку, можно со слоновьей грацией развалить всю научную лавочку.

А без равновесия, как учат нас функционалисты, любая система разрушается, и революция — следствие, проявление, а не причина дисбаланса, после потрясений устраняемого [Neuser, 1995, 18] и/или (под действием эпистемического наркоза) теряющего свою остроту. Новые гипотезы должны по меньшей мере смотреться лучше, чем старые. Парадной процедурой начала «новой эпохи» является публичное расставание с «научной отсталостью» прошлого.

Но не будем забывать, что типовые революционеры — Коперник, Маркс и Эйнштейн, выросшие в старом интеллектуальном мире, — остаются в нем хотя бы «одной ногой». А вот для поколения, выросшего после «революции», родными, единственно «нормальными» и рутинными являются недавно возведенные установки, но туманны понятия (типа «флогистон») и воззрения, отмененные в ходе революции. «Продвинутое» новое поколение если и знает старую теорию, то не во всех тонкостях и постоянно спрашивая себя: «Ну как только можно было это подумать?», а потому лишь частично понимает мятежную мотивацию первооткрывателей. Остается только принять на веру, ходить по улицам и скандировать: «Чу, щу пиши через у», добавляя про себя: «А не как в проклятом прошлом — через ю».

Научный межпоколенный «жаргон» — попутный продукт межпарадигмального трансфера in statu nascendi, а потому не обязательно бывает последовательным в употреблении образов и терминов. А междисциплинарный жаргон — результат смешения языков разных научных дисциплин, и здесь неединообразное понимание терминов более чем естественно: «Почему я должен уважать нашу старенькую соседку, если она меня даже не родила!». Например, россий-

ские и немецкие политики и инфекционисты употребляют термины «социальная дистанция» и "soziale Distanzierung" не в точном социологическом смысле слова, а приравнивая физическому расстоянию между индивидами (в работе [Simmel, 1903] — источнике этих понятий — такого не находим). Причем есть и широко употребляется в англоязычном интернет-пространстве, далеко за пределами чисто профессиональной сферы социологов, термин "social distance" ("the distance between different groups in society, such as social class, race / ethnicity, gender or sexuality. Different groups mix less than members of the same group" [Social distance web], но не в значении английского social distancing (при корректном spacial distancing) и немецкого räumliche Distanzierung — «дистанция в социуме, размещенном в реальном пространстве» (ср.: "Social distancing, also called physical distancing, is a set of non-pharmaceutical interventions or measures taken to prevent the spread of a contagious disease by maintaining a physical distance between people and reducing the number of times people come into close contact with each other", см. [Social distancing web]. Конечно, в военное время не до терминологической щепетильности: если приспичит, не грех вместо носового платка обойтись и портянкой, все лучше, чем на пол. Социологи в Германии и в России не чувствуют обиду за поруганную терминологическую чистоту.

терминологическую чистоту.

При междисциплинарном трансфере, связывающем между собой научные дисциплины, меняются общенаучные и «занаучные» установки — в литературе, искусстве, даже в быту, ср. [Коуге́, 1957]. Вместе с новыми ожиданиями успехов, «межведомственным переводом» (как мы знаем из КЗоТ, без потери научного стажа) приходят и наддисциплинарные, «вневременные» критерии научности, имеющие обратную силу. Но не все. Так, ньютоновская парадигма физики стала образцом для химии и биологии, но значительно меньше — для общественных наук [Neuser, 1995, 1]. А историчность — важнейший принцип объяснения в гуманитарных и общественных науках, в которых время, прирученное человеком, играет центральную роль, — менее существенна в математике как науке о вечном, даже если исследуются алгебраические преобразования и перемещения геометрических фигур в пространстве. Математики изучают свойства вечных

чисел и фигур, а гуманитарии — свойства концептов чисел и фигур в человеческом времени. На границе между двумя этими научными ориентациями лежат понятия очевидности и общепринятости, сходные, но все-таки немного разные, когда приходится изменять привычному и предавать общепринятое.

Так, «коперниковская» революция состоит в легализации взглядов, диаметрально противоположных бытующим, когда вместо самоочевидного: «Солнце вращается вокруг Земли» — защищают противоположное: «Земля вращается вокруг Солнца». Коперниканцы расширяют спектр объясняемых явлений, отказываясь от скомпрометированной непосредственной очевидности. Исследователь-коперниканец «остраняется» (в смысле русских формалистов) от обыденной точки зрения, ее-то и делая объектом исследования [Nagel, 1986, 4–5], заодно пересматривая взгляды своих не очень горячо любимых научных бабушек и дедушек. Отсюда — только один шаг до того стиля теоретического пессимизма, при котором «все сущее нелогично» и «верую, что само по себе и странно» (ср. Credo quia absurdum est — «Верю, ибо абсурдно»). По презумпции «непререкаемости авторитетов», если нет другого достойно-правдоподобного объяснения, приходится только принимать на веру. А «галилеевский» стиль и галилеевская революция, в смысле Э. Гуссерля, связаны с созданием нового образа мышления, приводящего к неожиданным или парадоксальным результатам: «Очевидность реальности обманчива» [Нааѕе, 1995, 5], см. также [Reiss, 1997, XI]. Свои конструкты ближе к телу, чем даже «телесная реальность».

Но ведь коперниканское разрушение официального консенсуса (поход против «консерваторов и ретроградов») не исключает галилеевской парадоксальности из-за долгого расставания с иллюзиями, меньше заостренной социологически, а потому скорее связанной с «поворотом мысли», чем с революционным движением ученых масс. Поворот мысли вообще менее театрален, меньше драматизирует слом старого и победу нового. Эту мягкую академичность, далекую

Поворот мысли вообще менее театрален, меньше драматизирует слом старого и победу нового. Эту мягкую академичность, далекую от триумфаторского ликования, можно назвать воистину «философским» взглядом на вещи, поскольку: «Философия возникает в кризисной ситуации, когда привычное понимание мира и человека пере-

стает удовлетворять тех, кто мыслит. И она появляется как критика повседневного мира, как способ выхода за рамки принятых культурных стереотипов. За видимым философия пытается найти глубинную реальность и строит картину этой реальности, вводя такие понятия ("эйдос", "форма", "энтелехия", "истина", "бытие" и т. д.), которые чужды обычному жизненному миру. Таким образом, именно вместе с философией появляется теоретическое отношение к миру, своеобразное удвоение реальности» [Лекторский, 2010, 30].

Впрочем, такая деликатность свойственна общению с конгениаль-

Впрочем, такая деликатность свойственна общению с конгениальными собратьями по науке, а не с комиссарами в пыльных шлемах и не с «широкими слоями» тех, кого куда-то к чему-то светлому нужно вести, но кому, в сущности, никуда уже и не надо, да и неохота. Философия в этом отношении сродни поэзии, которой буквальность противопоказана: "Genuine poetry can communicate before it is understood" (Т. S. Eliot). Рассмеявшись от удачной шутки, мы иногда только потом ошарашенно спрашиваем себя: «А что смешного?». Это ошарашенное удивление и вызывает потребность в новом объяснении.

Заключение: языковые техники трансфера

Разграничение понятий «язык», "langue", "langage" в русско-французском научном жаргоне XX–XXI вв. за пределами лингвистики обычно не принимают всерьез. И напрасно: неразграничение чревато недоразумениями даже в обыденной жизни.

Так, желая продемонстрировать знание немецкого языка, одна хорошенькая русская барышня, шепнув спутнику в берлинском метро: «Я в школе учила немецкий», серьезным тоном спросила у только что севшего рядом местного пассажира: "Was ist das?". В эту фразу она вложила все свои бережно хранимые остатки знания туземного языка (как langue), это было ее трансферное признание в любви: «Я тоже знаю прекрасный Ваш язык!». Но буквальный смысл «Что это такое?» рухнул на адресата, чуждого трансферных нежностей: он понял вопрос как возмущение, на всякий случай побледнел и молча поспешил на выход. И это в цивилизации, в которой, проигнорировав вопрос даже бомжа на улице, целый день ходишь как оплеванный!

Чего же ожидать от «внекультурной» Природы, к которой мы все время лезем с вопросами: вспомним знаменитый образ диалога с Природой [Hintikka, 1973]. Она сплошь и рядом их игнорирует, как заправский аутист, а если и отвечает, то невпопад и не церемонясь. Среди этих актов общения есть — что греха таить — и «фатические», т. е. показывающие только, что ученый не лыком шит и может потрепаться с «Самой» (то же неуклюжее "Was ist das?").

Зная это, чаще все-таки обращаются к Природе не прямо, а через голову коллег по цеху, задают вопросы и пытаются на них ответить так, как подсказывает владение нашим гипотетическим "langage", то есть наше умение говорить этим языком, а не просто знать морфемы, слова, словосочетания, фразеологию этой "langue" и правильно строить предложения. Так создаются мозаичные, наивно-правдоподобные картины этого мира.

Некоторые межчеловеческие обсуждения коммуникативно обставляются так же, как и в армии, когда желают при вышестоящем начальнике спросить у нижестоящего: «Товарищ генерал, разрешите обратиться к товарищу полковнику?» — «Разрешаю, товарищ старший лейтенант!». Природе в подобных случаях отводится несомненно важная роль... полковника. Настоящего полковника! Генералом же является массовый авторитет, который и Природу-то знает (по презумпции старших лейтенантов) гораздо лучше, чем она сама.

Человеческая реконструкция того, что же эта молчунья сказала бы, если ее разговорить, формулируется в терминах рациональности: «...при всех внутринаучных обсуждениях, участники которых могут руководствоваться разными мотивами, именно соображения рациональной обоснованности оказываются в последнем счете решающими» [Лекторский, 2012, 29].

Впрочем, врачи только между собой рационально обсуждают состояние больного, к которому обращаются совсем в других, по-ненаучному щадящих терминах.

Бедная больная Природа! Чего она только не знает! Ни языка, ни langue, ни langage...

Литература

Демьянков 2016 — *Демьянков В.* З. Языковые техники «трансфера знания» / Под ред. Фещенко В. В. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография. М.: Культурная революция, 2016. С. 61–85.

Касавин 2010 — *Касавин И. Т.* Междисциплинарное исследование: К понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 61–73.

Касавин 2017 — *Касавин И. Т.* Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17.

Киященко 2017 — *Киященко Л. П.* Личность как голограмма в трансдисциплинарной культуре // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 58-67.

Лекторский 2010 — *Лекторский В. А.* Философия, общество знания и перспективы человека // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 30-34.

Лекторский 2012 — *Лекторский В. А.* Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 26–34.

Фещенко, Бочавер 2016 — Фещенко В. В., Бочавер С. Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения — через cultural studies — к теоретической лингвистике / Под ред. Фещенко В. В. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография. М.: Культурная революция, 2016. С. 5–34.

Haase 1995 — *Haase M.* Galileische Idealisierung: Ein pragmatisches Konzept. Berlin; New York: Gruyter, 1995.

Hintikka 1973 — *Hintikka J.* Logic, Language Games and Information: Kantian Themes in the Philosophy of Logic. Oxford: Clarendon, 1973.

Koyré 1957 — *Koyré A*. From the closed world to the infinite universe. Baltimore: Johns Hopkins, 1957.

Lanigan 1988 — *Lanigan R. L.* Phenomenology of Communication: Merleau-Ponty's Thematics in Communicology and Semiology. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1988.

Nagel 1986 — *Nagel T.* The View from Nowhere. New York; Oxford: Oxford University Press, 1986.

Nagel 1995 — *Nagel T.* Other Minds: Critical Essays 1969–1994. New York; Oxford: Oxford University Press, 1995.

Neuser 1995 — *Neuser W.* Natur und Begriff: Zur Theorienkonstitution und Begriffsgeschichte von Newton bis Hegel. Stuttgart; Weimar: Metzler, 1995.

Reiss 1997 — *Reiss T. J.* Knowledge, Discovery and Imagination in Early Modern Europe: The Rise of Aesthetic Rationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Simmel 1903 — *Simmel G.* Soziologie des Raumes // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. 1903. Bd. 1. S. 27–71.

Social distance web — Wikipedia, The Free Encyclopedia. [Электронный ресурс] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Social_distance (дата обращения: 03.08.2020).

Social distancing web — Wikipedia, The Free Encyclopedia. [Электронный ресурс] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Social_distancing (дата обращения: 03.08.2020).

References

Demyankov, Valery Z. Jazykovye techniki «transfera znanija» [Linguistic techniques of "knowledge transfer"]. In: Feschenko, Vladimir V. (ed.) Linguistics and Semiotics of Cultural Transfers: Methods, Principles, Technologies. Moscow: Cultural Revolution, 2016, P. 61–85. (In Russian)

Feschenko, Vladimir V., Bochaver, Svetlana Yu. Teorija kul'turnych transferov: ot perevodovedenija — čerez cultural studies — k teoretičeskoj lingvistike [A theory of cultural transfers: From translation studies via cultural studies towards theoretical linguistics]. In: Feschenko, Vladimir V. (ed.) Linguistics and Semiotics of Cultural Transfers: Methods, Principles, Technologies. Moscow: Cultural Revolution, 2016, P. 5–34. (In Russian)

Haase, Michaela. Galileische Idealisierung: Ein pragmatisches Konzept. Berlin; New York: Gruyter, 1995.

Hintikka, *Jaakko*. Logic, Language Games and Information: Kantian Themes in the Philosophy of Logic. Oxford: Clarendon, 1937.

Kasavin, *Ilya T*. Meždisciplinarnoe issledovanie: K ponjatiju i tipologii [Interdisciplinary research, its concept and typology], Voprosy filosofii, 2010, Iss. 4, P. 61–73. (In Russian)

Kasavin, *Ilya T*. Zony obmena kak predmet social'noj filosofii nauki [Trading zones as a subject-matter of social philosophy of science], Epistemology & Philosophy of Science, 2017, Vol. 51, Iss. 1, P. 8–17. (In Russian)

Kiyaschenko, Larisa P. Ličnost' kak gologramma v transdisciplinarnoj kul'ture [Person as a hologram in a trans-disciplinary culture], Voprosy filosofii, 2017, Iss. 11, P. 58–67. (In Russian)

Koyré, *Alexandre*. From the Closed World to the Infinite Universe. Baltimore: Johns Hopkins, 1957.

Lanigan, Richard L. Phenomenology of Communication: Merleau-Ponty's Thematics in Communicology and Semiology. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1988.

Lectorsky, *Vladislav A*. Filosofija, obščestvo znanija i perspektivy čeloveka [Philosophy, knowledge sosciety, and human perspectives], Voprosy filosofii, 2010, Iss. 8, P. 30–34. (In Russian)

Lectorsky, Vladislav A. Racional'nost' kak cennost' kul'tury [Rationality as culture's value], Voprosy filosofii, 2012, Iss. 5, P. 26–34. (In Russian)

Nagel, Thomas. The View from Nowhere. New York; Oxford: Oxford University Press, 1986.

Nagel, Thomas. Other Minds: Critical Essays 1969–1994. New York; Oxford: Oxford University Press, 1995.

Neuser, Wolfgang. Natur und Begriff: Zur Theorienkonstitution und Begriffsgeschichte von Newton bis Hegel. Stuttgart; Weimar: Metzler, 1995.

Reiss, Timothy J. Knowledge, Discovery and Imagination in Early Modern Europe: The Rise of Aesthetic Rationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Simmel, Georg. "Soziologie des Raumes", Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich, 1903, 1, P. 27–71.

Social Distance. In: Wikipedia, The Free Encyclopedia. [Электронный ресурс] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Social_distance (accessed: 03.08.2020).

Social Distancing. In: Wikipedia, The Free Encyclopedia. [Электронный ресурс] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Social_distancing (accessed: 03.08.2020).

Сведения об авторе

Демьянков Валерий Закиевич — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. Отделом теоретического и прикладного языкознания, руководитель Научно-образовательного центра теории и практики коммуникации им. акад. Ю. С. Степанова.

Институт языкознания РАН. Российская Федерация, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1;

E-mail: *vdemiank@mail.ru*;

URL: https://iling-ran.ru/web/index.php/ru/scholars/demiankov; сайт с электронными версиями и данными о публикациях: [Электронный ресурс] URL: www.infolex.ru

ORCID 0000-0001-9331-3708

Demyankov Valery Zakievich — Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Head of Scientific and Educational Center of Communicational Theory and Practice at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: vdemiank@mail.ru

URL: https://iling-ran.ru/web/index.php/ru/scholars/demiankov; сайт с электронными версиями и данными о публикациях: [Электронный ресурс] URL: www.infolex.ru

ORCID 0000-0001-9331-3708